

Это было более десяти лет назад. Меня пригласили на экспериментальный спектакль — самостоятельную работу актеров Областного передвижного театра «Конец Казановы» Марины Цветаевой. База театра находилась в Греко-латинской академии, что напротив ГУМа. На крошечной сцене на редкость душевно, с тонким проникновением в сложную стихотворную вязь произведения была разыграна не знакомая мне пьеса. Я спросил: кто режиссер? Мне представили молодую красивую женщину. Ника, как она себя называет — Ника Косенкова. Я сказал какие-то слова благодарности.

ливые хороводы, звучала необычная музыка речи, где непевности сменялись скороговоркой, хоровой декламацией. И через все проступали образы великого русского эпоса: Ярославна, Игорь...

...Прошло несколько лет. До меня доходили слухи, что Ника стала деятелем международного масштаба. Побывала в США, ездила со своим коллективом в Югославию, Швецию, Данию. Месяц жила в Париже. А в перерывах успевала ставить спектакли в Челябинске.

Появлялись заметки в журналах и газетах. То о самовольном приезде на каунасский фестиваль театров-студий, где пиратский налет группы Н. Косенковой всколыхнул уныло-официальную программу (как писал журнал «Театр»). Приводились строки из шведской газеты «Сюдсвенска дагбладет»: «Тембр» устроил такой «тарарам» на центральной площади Мальме, что, казалось, сам Карл XII зашевелился на своем постаменте.

Теперь уже «Тембр» стал Международным театром-лабораторией. Под девизом «Ды-

Привет

Кульминация. — 1993. — 10 апр. — С. 9.

от кенгуру

А через несколько дней раздался звонок: говорит Ника, хотите еще раз посмотреть «Конец Казановы»?

Когда я пришел в знакомый зальчик, то не увидел актеров. Ника что-то переставляла на сцене, накинула случайно повернувшийся плащ и сама прочитала, нет — разыграла всю пьесу. Это было прекрасно. Я сказал: «Вы не только режиссер, но и чудесная актриса».

После спектакля задавались вопросы, говорили о Цветаевой — Ника рассказывала увлекательно, вдохновенно, она знала о Цветаевой буквально все. Я сказал: вы к тому же филолог.

Позже я встретил Нику во Всероссийском театральном обществе — она оформляла командировку, о ее приезде просили несколько городов. Я спросил: ставить спектакли? — Нет, — ответила она, — я же педагог по речи, учу актеров говорить, мало кто умеет произносить стихотворные тексты.

Я подивился — сколько профессий!

Ника любит работать с актерами. В том же областном театре она поставила спектакли «Монологи» — фрагменты из классических пьес, «Стакан воды» Петрушевской, в то время мало кому известной. Я их видел. Это была самозабвенная актерская отдача, глубокое раскрытие текста и, главным образом, подтекста. Создавались какая-то особая атмосфера, настроение. Жаль, что спектакли посмотрели только несколько десятков человек...

Ника исчезла. Прошло много месяцев. Снова встретились в ВТО.

— Ника, что случилось?

— А я читала Шекспира. Обрила голову, чтобы нигде не выходить, и читала. Почти год. Буду ставить спектакль: коллаж из разных трагедий и комедий.

Я уже не удивлялся — это же Ника. Она и поставила этот спектакль с молодыми актерами челябинского театра. Привезла их в Москву. Устроила вечер в Доме актера, а через некоторое время выступала на шекспировской конференции.

Впоследствии был Берлин, где удивила новизной видения Шекспира. В то время я руководил молодежным клубом в ЦДРИ, у нас выступали многие деятели театра, и я пригласил Нику. Она ответила:

— Но я не одна. У меня «Тембр» — творческое единение молодых, берущих разбег. Соедините первые буквы — Тембр. Берущие разбег — это критики, театроведы, студенты — словом, интересные, умные люди. Это моя лаборатория. Я сделаю из них актеров.

Они сыграли «Слово о полку Игореве» — «драматическую симфонию для гласов». Повяло Древней Русью, языческими играми. Сплетались причуд-

хание, движение, голос» проводились занятия с участием актеров и педагогов-экспериментаторов из разных стран в Переславле-Залесском. Всем руководит по-прежнему Ника Косенкова.

Я думал, что Ника уже никогда ничем меня не удивит. Но вот однажды она сказала, что собирается в Париж учить актеров сценической речи.

— Разве там есть русские актеры?

— При чем тут русские? Я знаю язык и буду учить французам. Они же плохо говорят, у них ужасное произношение.

...Недавно я попал на новый спектакль театра-лаборатории «Тембр» — Оперу для хора и двух флейт С. Гольбиной и «Не оглядывайся» (по поэме К. Скуниекса в переводе Ю. Даниэля).

Ника встречала гостей. Она изменилась. Появились светские туалеты и благородная сдержанность манер. Спектакль, как всегда, поразил, не был похож ни на что-либо виденное раньше. История Орфея и Эвридики передана пластикой, изысканным музыкальным рисунком. «Чистый голос, музыка, душа», — определяет свой замысел композитор Светлана Гольбина. Поэт в сущности только одна актриса, все остальные живут в ощущении музыки, которой подчинены каждое произносимое слово, резкие перепады ритмов, созвучий — от шепота до фортиссимо. Ритмично перестукивают древнегреческие котурны: став на них, актеры приобретают некую ирреальность. После спектакля беседую с Никой.

— Трудно сейчас живется? Как удается свести концы с концами?

— Живем приключениями. Нам помогают спонсоры, друзья из Франции, Швеции, ездим, зарабатываем. Были в Бразилии, участвовали в латиноамериканском фестивале «Лондрина», говорят, стали «кульминацией» программы.

От растерянности я пробормотал:

— Больше ничему не удивлюсь. Даже если скажете, что летите на Азорские острова или в Австралию.

— Вы уже знаете? Да, я лечу в Австралию, привезу вам привет от кенгуру!

Н. ПУТИНЦЕВ.